

Глава 1. Я больше не могу так жить

Всегда найдутся те, кто в самый обычный день вдруг поддастся мыслям, которые совсем не предназначены для посторонних глаз и ушей.

Погода не бушевала штормовым ветром, и луна не освещала его одинокую фигуру. Ничто не вторгалось на Землю извне, и никакой таинственный незнакомец не шептал проклятия ему на ухо — не было никаких примет или знаков, стоявших упоминания. Но в нем самом неоспоримо зарождалось странное, разрушительное побуждение, которому невозможно было сопротивляться и от которого в глубине души становилось радостно:

— Я больше не могу так жить.

Эта фраза промелькнула в голове Тань Мэнси в тот самый миг, когда он вытащил ключ из замка зажигания.

Его жизнь ничем не отличалась от будней большинства обычных взрослых: дом, работа, снова дом и сон. Он жил в старом районе с неплохим расположением и держал небольшую офтальмологию. Клиника была скромной, хлопот — по горло, а вся прибыль держалась на диагностике, подборе очков да продаже капель. Штат состоял всего из трех человек: недавняя выпускница медицинского колледжа на подхвате и в роли администратора, он сам — главный врач и чернорабочий под номером один, и второй такой же работяга по совместительству директор, Юй Сюй, на чьих плечах держалось всё закулисье. Один вел дела снаружи, другой заведовал внутренним распорядком. Они были деловыми партнерами, лучшим тандемом, а еще — о чем знали немногие — состояли в романтических отношениях.

Двигатель умолк, Тань Мэнси поднял руку, чтобы взглянуть на часы.

Было почти одиннадцать.

Вокруг стояла тишина, но пространство не казалось пустым. У старых жилых комплексов имелась общая болезнь — теснота. Всё живое и неживое натыкалось друг на друга. За окном его машины стоял чужой автомобиль: стоило опустить стекло, и можно было задеть чужую ручку, а если распахнуть дверцу шире, на корпусе непременно осталась бы вмятина.

Парковка посреди ночи — самое оживленное место. По привычке стараясь не шуметь, он приоткрыл дверцу машины и осторожно затворил ее. В черноте заиндеветого стекла отразилось его лицо — наслоившееся само на себя, расплывчатое, но всё так же не способное скрыть следы усталости.

Сегодня у Тань Мэнси был день рождения. Ему исполнилось тридцать три.

Именинник любил хого, и Юй Сюй забронировал столик еще неделю назад. На беду, к самому

концу рабочего дня в клинику нагрянули еще два пациента по записи — старшекласники, отпросившиеся на повторный осмотр после вечерних занятий. Школьная нагрузка была огромной, а времени вечно не хватало.

Тань Мэнси и Юй Сюй перекинулись парой фраз через экран смартфона и решили отложить празднование до встречи. Никаких эмоций по поводу этого решения он не выказал: в текстовых сообщениях пестрили дежурные «можно» и «ничего страшного», да и на лице не дрогнул ни один мускул. Родители школьников нахваливали его за выдержку и терпение; над краем защитной маски глаза доктора сузились в сдержанной и застенчивой улыбке. В перерыве между дезинфекцией приборов он велел ассистентке идти домой, а сам остался сверхурочно.

Сверхурочные стали для него привычным делом. Профессия, в которой не существовало выходных, ловко пожирала личную жизнь, заполняя до отказа каждый свободный уголок.

Он копошился во всем этом на автопилоте, почти онемев от усталости.

Его высокая тощая тень одиноко ложилась на асфальт под косым углом. До конца дня рождения оставался всего час.

Тань Мэнси направился к своему подъезду, мысленно продолжая раскручивать клубок только что промелькнувших безумных слов.

— Какой жизни я хочу?

Уличный фонарь, под стать самому району, капризно моргнул, словно щелкнул пальцами, напоминая, что пора заходить внутрь.

В лифте пахло скверно, и он повернул к лестнице. В тусклом полумраке пролета каждый шорох за чужими дверьми был слышен отчетливо. Поздними ночами телевизоры работали на полную громкость, точно так же, как ровно поутру заводились перфораторы. Сморщив брови, он шагнул вверх, пока до его слуха не донеслись надрывный кашель какого-то старика, непрекращающийся плач младенца и глупой полночной собачонки, подхватившей этот хор лаем.

Брови сошлись на переносице намертво. Шумная обстановка лишала возможности думать, а накопившаяся за ночь усталость рождала глухое раздражение.

Никто не слышал голоса в его голове, но он продолжил внутренний диалог:

— Я уеду туда, где нет ни души. Только в таком месте можно спокойно обо всем подумать.

Наконец он добрался домой — в квартиру, которую делил с Юй Сюем.

У старого жилья имелся один плюс: крошечная доля общих помещений, зато у порога оставалось место для просторной и светлой прихожей. Тань Мэнси извлек из пачки сигарету и зажал ее губами. Пристрастие к курению походило на его неизменную жизнь — вошло в привычку. На работе оно спало мертвым грузом, но стоило оказаться вне стен клиники, как тяга заявляла о себе. Сделав пару глубоких затяжек, он истаивал половину сигареты; горло саднило от горького дыма. Потушив окурок в пепельнице у двери, он наклонился, чтобы скинуть обувь.

Брошенная дверь досталась им от прежних хозяев; по ее краям проступила рыжая ржавчина. Издав скрипучий звук, створка подалась внутрь. Внутри обнаружилась лаконичная мебель из натурального дерева и полы оттенка темного ореха. Первыми в глаза бросились домашние тапочки: светло-голубые в клетку, из мягкой хлопчатобумажной ткани, с бесшумной плетеной подошвой.

Парная обувь — у Тань Мэнси была точно такая же.

— Вернулся? — Юй Сюй стоял в проходе, глядя на него с улыбкой.

Его высокая ладная фигура заслоняла часть света, лившегося из комнат.

Юй Сюй уже собрался выходить: домашние тапочки сменяли заутюженные брюки цвета бежевого песка. Наступила осень, поверх футболки он накинул белоснежный трикотажный кардиган, и от всего его облика веяло пушистым, уютным теплом — под стать домашней атмосфере.

Места, где нет ни души, определенно не включают в себя Юй Сюя. Его я непременно возьму с собой.

Мысленно Тань Мэнси добавил к своему безумному замыслу идеальное условие.

— Ага, а ты во сколько пришел? — он принялся, уловив густой аромат геля для душа. Прямо у входа стояла керамическая раковина; боком протиснувшись в дверь, Тань Мэнси бросил взгляд на Юй Сюя через зеркало над ней.

Тот ничего не подозревал, и пока что никто на свете не ведал о его тайном порыве.

Сердце кольнуло от странного напряжения. Сделав незаметный глубокий вдох, он взмолился, чтобы обычное умывание холодной водой помогло вернуть душевное равновесие.

— Да немного за девять, — Юй Сюй забрал у него сумку и тут же извлек оттуда пачку бланков с результатами анализов. — И что вас так задержало с этими двумя школьниками?